

Поляки и литовцы в армии НАПОЛЕОНА

ГЕННАДИЙ
ЛЕВИЦКИЙ

Геннадий Левицкий

**Поляки и литовцы
в армии Наполеона**

«Автор»

2018

Левицкий Г. М.

Поляки и литовцы в армии Наполеона / Г. М. Левицкий —
«Автор», 2018

В произведении собраны сведения источников по данной теме. Временные рамки описываемых событий – 1797 – 1814 гг. – то есть, с года создания первых польских легионов в Италии и до окончания эпохи Наполеоновских войн. Поляки внесли огромный вклад в победы Наполеона на полях Испании, Италии, Пруссии... Не обошелся без них и русский поход Наполеона, а когда Великая армия начала превращаться в толпу мародеров, поляки оказались в роли спасителей императора и остатков его воинства. На Березине благодаря им Наполеон чудом вырвался из тисков трех русских армий – Витгенштейна, Чичагова и Кутузова; и даже мог считать себя победителем. Во время последней крупной операции 1812 г. Великая армия наполовину состояла из поляков.

Содержание

Предисловие	5
Легионы Яна Домбровского	9
Египет и Сан-Доминго	13
Польская игра Наполеона	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Геннадий Михайлович Левицкий

Поляки и литовцы в армии Наполеона

Предисловие

Три раздела Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) покончили с независимостью польско-литовского государства, но не смогли уничтожить мечту о возрождении его. К радости поляков, тотчас за последним разделом их родины, в Европе появился человек, который не только принял к сердцу их мечты, не только обещал помочь с их реализацией, но и (самое главное) мог восстановить их государство.

Наполеон Бонапарт умел обещать. «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл!» – император любил повторять слова, которые станут крылатыми. Но еще раньше они окрыляли его солдат, заставляли сражаться не жалея крови и самих жизней. Маршальский жезл манил всех – от новобранца до генерала; и великая притягательная сила высшего воинского звания была в том, что оно не казалось недостижимым. Неблагородное происхождение и даже отсутствие военного образования не являлись препятствиями для фантастического карьерного роста. Кем были в предыдущей жизни маршалы Наполеона? Да кем угодно: Груши, Периньон и Макдональд – дворяне, Ней – сын бочара, Мюрат – сын владельца постоянного двора, Ожеро – сын лакея, Лефевр – сын мельника, Ланн – сын крестьянина, Бессьер и Журдан – сыновья врачей... Последним получил маршальский жезл польский князь Юзеф Понятовский.

Ловкий манипулятор человеческими умами и душами, видимо, не случайно производил в маршалы представителей разных слоев общества, в том числе, из самых низов. Наивные солдаты шли в битвы с великой надеждой – им и в голову не приходило, что за всю наполеоновскую эпопею только 26 человек стали маршалами, а обещанию поверили миллионы, которые так и останутся безвестным материалом самого известного французского императора.

Для человека здравомыслящего может показаться невероятным, что столь огромное количество людей безропотно шло за Наполеоном и отдавало за него жизни – не только французы, но и покоренные униженные народы Европы. Один из секретов раскрыл Арман де Коленкур. Этот политик был не согласен с императором по многим судьбоносным вопросам, но и он с трудом противостоял огромной гипнотической силе сверхчеловека, родившегося на Корсике:

«Не подлежит сомнению, что именно его успехам в этом отношении следует приписать любовь к свиданиям с другими монархами и привычку вести непосредственные переговоры о важнейших и деликатнейших делах с министрами и послами иностранных держав. Когда он хотел, то в его голосе и в манерах появлялось нечто убеждающее и соблазняющее, и это давало ему не меньше преимуществ над собеседником, чем превосходство и гибкость его ума. Когда он хотел, то не было более обаятельного человека, чем он, и, чтобы сопротивляться ему, нужно было испытать на деле, как это было со мной, все те политические ошибки, которые скрывались под покровом этого искусства. Хотя я держался настороже и даже в оборонительной позиции, но часто ему почти удавалось перетянуть меня на свою сторону, и я освобождался от его чар лишь потому, что, как все ограниченные и упрямые умы, оставался на избранной мною позиции, откликаясь только на свою идею, а отнюдь не на идею императора».

Однажды в разговоре с Коленкуром Наполеон произнес слова, которые предельно откровенно показывают, какую цену готов платить император за успех у собеседника:

«Когда мне кто-нибудь нужен, то я не очень щепетильничаю и готов поцеловать его в...»

Графиня Потоцкая описывает свое впечатление, когда впервые увидела французского императора на приеме в Варшаве:

«Мной овладело какое-то оцепенение, немое изумление, как от присутствия какого-то необыкновенного чуда. Мне казалось, что вокруг него сиял ореол. Недопустимо, думала я, когда несколько пришла в себя, чтобы такое полное могущества существо могло умереть, такой всеобъемлющий гений – исчезнуть без следа!.. И мысленно я даровала ему двойное бессмертие».

Магнетизм императора был необычайно велик. И даже, когда его армия, отступая из России, умирала от голода, холода, морального и физического истощения от непрерывных маршей и боев, ни один солдат не бросил в его сторону ни малейшего упрека, не позволил себе косого взгляда. Обвиняли кого угодно и что угодно, но только не человека, виновного в гибели сотен тысяч соотечественников. Они, будто скошенные колосья, толпами падали на дороге, чтобы больше никогда не встать, но с последним вдохом, словно римские гладиаторы, восклицали, заведя проходившего мимо Бонапарта: «Да здравствует император!»

Удивительную силу, исходившую даже от тени этого невзрачного Корсиканца, видит простой наполеоновский гренадер сержант Бургонь. Он догнал жалкие остатки своего полка накануне гениальной по замыслу и одновременно трагической переправы через Березину:

«За гренадерами шло более тридцати тысяч войска, почти все с отмороженными руками и ногами, большинство без оружия, так как они все равно не могли бы им пользоваться. Многие опирались на палки. Генералы и полковники, офицеры и солдаты, кавалеристы и пехотинцы всех национальностей – все шли вперемешку, закутанные в плащи, обгорелые и дырявые шубы, в куски разных тканей, в овчины, словом – во что попало, лишь бы хоть как-нибудь защититься от холода. Молча, без стонов и жалоб, стараясь быть готовыми отразить внезапную атаку врага. Присутствие Императора воодушевляло нас и внушало уверенность – он всегда умел находить способ, чтобы спасти нас. Это был все тот же великий гений, и как бы мы ни были несчастны, всюду с ним мы были уверены в победе».

Для воинственных поляков у Бонапарта, естественно, нашлись нужные слова: «Если поляки докажут, что они достойны иметь независимость, они ее получат». И поляки сражались за Наполеона по всему миру. Желая стать достойными свободы, они превосходили мужеством на поле боя самих французов. Собственно, поляков долго не пришлось уговаривать, потому что Наполеон был для них единственной призрачной надеждой, единственным человеком, способным собрать воедино полотно их государства, разорванное тремя могущественными европейскими державами.

Парадоксально то, что Наполеон официально не обещал полякам создать для них независимое государство, и по важным причинам не мог вернуть им отторгнутые земли, но поляки пошли воевать за призрачную мечту, за обещание, которое не произнесли уста Наполеона – им просто почудились слова, которые очень хотелось услышать. Вслед за поляками Бонапарта дружно поддержало население бывшего Великого княжества Литовского. Так активно, что... поставило в тупик белорусских историков спустя двести лет. В России война с Наполеоном по праву и бесспорно называется «Отечественной» – потому что весь народ поднялся против завоевателей, все сословия встали плечом к плечу на защиту родины. В Беларуси ситуация совершенно иная: против французов воевали только те ее солдаты, которые были мобилизованы в российскую армию до начала войны. Наполеона же повсеместно встречали как освободителя, и в его армии белорусов воевало гораздо больше, чем в армии российской. А если война «Отечественная», то получается, что большинство населения белорусских земель предало свое отечество? Потому в 90-х г. XX ст. белорусские историки решили назвать нашествие французов лаконично, без прилагательного – «Война 1812 года».

Имеется один нюанс: в многочисленных мемуарах участников наполеоновского похода мы не встретим белорусов. Французы, немцы, итальянцы не подозревали о существовании такого народа; для них Польша заканчивалась где-то в районе Смоленска, и всех живших запад-

нее этого города мемуаристы называют поляками, лишь изредка литовцами. Русские историки проявили поразительное единодушие с французскими мемуаристами; и у них белорусы именовались поляками. В последнем случае причина проста: братский белорусский народ не мог объединиться с врагом православного мира – пусть уж его представители будут именоваться поляками, вражда с которыми для России вполне привычна.

Некая непостижимая надежда на Францию у поляков зародилась задолго до появления Наполеона. В 1772 г. произошел первый раздел Речи Посполитой. В сентябре русский посол Штакельберг и прусский – Бенуа вручили полякам декларацию о разделе их страны. Реакция Варшавы была необъяснимой, непонятной, совсем неожиданной для русского посла.

«Штакельберг еще не привык к варшавским сюрпризам, – рассказывает С. М. Соловьев, – и потому не верил своим ушам, когда через два дня после приведенного разговора король призвал его опять к себе и объявил, что считает своею обязанностью отправить Браницкого в Париж с протестом против раздела.

– Мне ничего больше не остается, – отвечал Штакельберг, – как жалеть о вашем величестве и уведомить свой двор о вашем поступке. Чего вы, государь, ожидаете от Франции против трех держав, способных сокрушить всю Европу?

– Ничего, – отвечал король, – но я исполнил свою обязанность».

Штакельберг не нашел никакой угрозы в непонятной выходке польского короля, но уже спустя полтора десятилетия союз обиженных поляков и возбужденных революцией французов начал доставлять неприятности России. Сначала А. В. Суворову пришлось иметь дело с воинственными поляками на равнинах Италии и в негостеприимных Альпах, затем поляки боролись со своими обидчиками в составе наполеоновской армии на полях Австрии и Пруссии, и наконец, они приняли деятельное участие в Московском походе Наполеона.

Польша и Франция издавна были связаны незримыми узами, оба народа, скорее всего, объединяло родство национального характера. А он и у поляков, и у французов выражался в непомерной любви к свободе. Любви, надо сказать, чрезмерной, которая вылилась во Франции потоками крови, а в Польше гипертрофированная любовь к свободе превратила государственную жизнь в анархию, и стоила ей, в конечном итоге, независимости.

Из этих взаимных симпатий граждане обеих стран находили приют друг у друга, когда в собственном государстве было слишком жарко. Поначалу в Польше спасались знатные французы, бежавшие от революции. Впрочем, даже польская аристократка графиня Потоцкая, родственница последнего короля Польши, нелестно отзывалась о гостях:

«В конце прошлого столетия Польша была переполнена французскими эмигрантами, которые, охотно пользуясь оказываемым им гостеприимством, большей частью держали себя с таким высокомерием, как будто этим они оказывали кому-то большую милость».

С последним разделом Речи Посполитой и подавлением восстания Костюшки ситуация изменилась – теперь польские патриоты искали убежища на территории революционной Франции. И надежды на возрождение Польши также связывали с ней.

Заметим, что уровень благосостояния поляков, разделенных тремя державами накануне появления на исторической арене Наполеона, был различным. Более всех повезло землям, оказавшимся под владычеством Пруссии и его мудрого короля. Однако поляки были не тем народом, который можно купить материальными благами. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. русский офицер А. Ф. Раевский отметил причину их неблагодарности к благодетелям, которую не смог бы понять иной современный человек, отягощенный заботой о хорошей жизни:

«Некогда поляки (разделом 1794 года Пруссии доставшиеся) не были столь богаты, покойны и счастливы, как под скипетром потомков Фридриха. Впрочем, причина их ненави-

сти к Пруссии довольно извинительна, ибо правительство имело в виду истребить не только прежние права и установления, но даже самое наречие их предков. Все дела, все сношения должны были совершаться на немецком языке; все чиновники и должностные люди были из немцев. Оскорбление народного самолюбия есть одно из самых ужаснейших оскорблений!»

В общем, когда появился Наполеон, все поляки – и прусские, и русские, и австрийские – и бедные, и богатые – объединились с единой целью: восстановить независимость родины.

Легионы Яна Домбровского

Мы не устаем удивляться, как поляки верили Наполеону, как преданно сражались за его интересы на протяжении всего периода наполеоновских войн... И оказывается, что не по своей инициативе Бонапарт будет обещать полякам вернуть государство, а они вынудили французского генерала подать им такую надежду.

Еще в 1796 г. польские эмигранты, обосновавшиеся в Париже после разгрома восстания Костюшки, обратили внимание на блистательный карьерный рост генерала Бонапарта и сделали на него ставку. Поляки подбирались к Наполеону, выискивая малейшую возможность для плодотворного контакта, иногда преодолевая неимоверно длинный путь.

В июле 1796 г. парижская Депутация (официальное представительство польской эмиграции) обращается к своему послу в Константинополе князю Михалу Клеофасу Огинскому с поручением связаться с адъютантом генерала Бонапарта Юзефом Сулковским. Через последнего поляки надеялись склонить командующего Итальянской армией к участию в польских делах.

«В соответствии с поручением Огинский связался с Сулковским и в августе получил от него ответ с французским офицером, следующим из Италии в Персию через Константинополь, – рассказывает Мариан Брандыс. – Содержание этого ответа князь Михал Клеофас приводит в своих воспоминаниях: «...Он дал мне понять, что ему не очень удобно говорить о польских делах с Бонапартом в ту минуту, когда этот генерал занят военными действиями в Италии; но он советовал мне написать генералу письмо от имени моих соотечественников и уверял меня, что оно будет принято благосклонно. Далее он ручался мне, что, если бы мы могли заинтересовать генерала Бонапарта, наши надежды на освобождение Польши обрели бы почву, так как этот генерал пользуется огромным доверием французов *и не преминет рано или поздно стать во главе правительства*»».

Огинский отправил письмо и самому Наполеону. Оно получилось у автора бессмертного полонеза чересчур пафосным:

«...Твое сердце, которое успехи не сделали глухим к стенаниям страдающего человечества, несомненно, обливается кровью при одном представлении о стольких несчастных существах, которые еще ждут своего освобождения руками Франции... Пятнадцать миллионов поляков, некогда независимых, а ныне являющихся жертвами насилия и обстоятельств, обращают свой взгляд на Тебя. Они хотели бы разрушить преграду, отделяющую их от Тебя, дабы делить с Тобой опасности, дабы увенчать Тебя новыми лаврами и прибавить ко всем титулам, кои Ты уже заслужил, звание отца угнетенных!»

Потратив на раздумья не более минуты, Наполеон продиктовал ответ адъютанту Сулковскому:

«Что я могу ответить? Что я могу обещать? Напиши своему земляку, что я люблю поляков и высоко ценю их, что раздел Польши является несправедливостью, с которой я не могу смириться, что после окончания войны в Италии двинусь сам во главе французов, чтобы заставить московитов восстановить Польшу. Но скажи ему также, что поляки не должны уповать на чужеземную помощь... Все красивые слова, которые им будут говорить, не приведут ни к какой цели. Я знаю язык дипломатии... Народ, погрязший своими соседями, может освободиться только с оружием в руках».

Если поляки угадали карьерный рост Бонапарта, то Наполеон не упустил блестящей возможности приобрести преданных воинов. Так началась величайшая дружба Корсиканца с поляками.

Хотя... тот, что искал пути сближения поляков с Наполеоном, разочаровался в числе первых. Через несколько лет великий композитор и патриот своей родины Михал Клеофас Огинский напишет о своем недавнем кумире:

«Я питал доверие к генералу Бонапарту, командующему в Италии французами и поляками и сражающемуся только за свободу и независимость народов. Мой энтузиазм, а в особенности надежда, что я найду в нем защитника польского дела, уменьшились, когда он объявил себя пожизненным консулом, и совсем оставили меня, когда он объявил себя императором французов».

Впрочем, разочаровавшихся, как Огинский, было немного; абсолютное большинство поляков сражались и погибали за Наполеона с уверенностью, что этим приносят пользу своему отечеству.

Могут возникнуть вопросы: как в Италии оказалось множество поляков; и почему именно здесь, а не во Франции – традиционном месте отдохновения польских мятежников – начали создаваться легионы. Оказывается, поляков – на свою голову – доставили в Италию сражавшиеся против Наполеона австрийцы.

Во время знаменитой битвы при Арколе Юзеф Сулковский, спасая Наполеона, был ранен картечью в плечо. В начале зимы 1796 г. раненному адъютанту поручили нетрудное дело: конвоировать в тыл колонну пленных австрийцев в несколько тысяч человек. Сулковский с удивлением заметил, что конвоируемые говорят почему-то не по-немецки, а на его родном – польском языке. Оказалось, что пленные австрийцы в большинстве своем оказались мобилизованными крестьянами из Галиции и Силезии.

Поляков в Италии было достаточно, а желающих возглавить их имелось намного больше, чем необходимо. Когда выбор, в конце концов, пал на деятельного участника восстания Костюшки – генерала Яна Генрика Домбровского, обойденные конкуренты принялись поливать его грязью. Одни ставили в вину Домбровскому, что по-немецки он изъясняется лучше, чем на родном языке; что о нем уважительно отзывался душитель восстания – Суворов; а, поскольку Фридрих-Вильгельм II предложил генералу высокую должность в прусской армии, его одновременно объявили и немецким шпионом. Наконец, генерал Зайончек, также имевший надежду на высший пост, пытался вызвать Домбровского на дуэль.

Домбровский своим отношением к завистникам, конкурентам и просто любителям обсудить ближнего доказал, что он – именно тот человек, который должен возглавить польские легионы. На все оскорбления и клевету генерал, коверкая польские слова, ответил с невозмутимым спокойствием: «Ежели бы я ради себя только старался, так уж давно был на службе какого-нибудь монарха, недоброжелателя отчизны нашей, весь в звездах, богатый и довольный; а тут я от каждого завишу, никто мне не платит, долгов бессчетно, а дел непомерно, и все сие через радение отчизне нашей...» Нельзя сказать, что Наполеон никогда не ошибался в людях, но Домбровский оказался лучшим его выбором.

«В начале лета 1797 года легионы переживали период бурного роста..., – рассказывает М. Брандыс. – Только сейчас начинали приносить плоды воззвания, посланные Домбровским и Выбицким на родину и в эмигрантские центры. В новую польскую армию, точно на подлинную родину, отовсюду стекались изгнанники. На квартиры легионов в Пальманове, в Тревизо, а потом в Болонье беспрерывно являлись все новые и новые добровольцы: дезертиры из австрийской армии, беглецы из русской и прусской частей Польши, а также различные авантюристы и проходимцы. Особую известность приобрел отважный капитан Липчинский, который дальнюю дорогу из Польши в Италию проделал... пешком.

Домбровский творил чудеса, чтобы всю эту «свору оборванцев» одеть и вооружить, раздобыть для нее провизию и жалованье, превратить ее в регулярное войско».

В 1797 г. в Северной Италии несуществующая на политической карте мира Польша обрела свои вооруженные силы. По крайней мере, обиженному и униженному соседними государствами народу так казалось. Поляков к тому времени достаточно много сражалось за интересы поднимавшегося европейского хищника, облачившегося в республиканскую тогу: во Францию бежали участники восстания Т. Костюшко, к пленным- и перебежчикам-полякам из австрийской армии вскоре присоединятся дезертиры из прусской и русской армий.

Яна Домбровского радовало огромное количество соотечественников, искавших приют в армии самой свободной (как им казалось) страны Европы – Франции. Генерал мечтал о создании польского войска, которое при помощи революционных французов отвоюет независимость родины. Марионеточная Ломбардская республика, созданная Наполеоном, дала согласие на формирование на ее территории польских этнических частей.

Было создано два легиона общей численностью около 9 тыс. человек – первый возглавил Домбровский, вторым командовал Княжевич. Каждый легион состоял из трех батальонов и одного артиллерийского дивизиона. По тем временам довольно внушительная армия, если к тому же учесть, что поляки отличались воинственностью. Но не скоро польские легионеры ступят на родную землю, и далеко не все.

В 1798 г. поляки участвовали в боях против Папской области и Неаполитанского королевства.

В 1799 г. воины Домбровского вместе с французами сражались в Италии со знаменитым фельдмаршалом Суворовым. Героизм легионеров, желание первыми идти в бой дорого им обошлись.

6 июня 1799 г. у реки Тидон французский корпус Макдональда упорно теснил войско австрийского генерала Отта. Казалось, судьба австрийцев была решена. Около 3-х часов дня французы перешли в решительное наступление, легион Домбровского совершил маневр, грозящий австрийцам отрезать путь к отступлению. И в этот момент в тылу у него возникло густое облако пыли. То была конница Суворова. Драгуны и казаки с визгом и криками атакуют польскую пехоту, идущую рассыпным строем совсем против другого врага. Моментально ряды воинов Домбровского приходят в замешательство, и весы победы в этой битве склонились на сторону, уже потерявших было всякую надежду, австрийцев.

При реке Требии 8 июня солдаты Домбровского понесли еще большие потери. Левый фланг наступавших французов был смят стремительной контратакой русской армии. «Авангард его, состоящий из польских легионов, под начальством генерала Домбровского, ударивший на наш правый фланг, ... почти совсем истребили, а остальных смешали, расстроили и принудили в беспорядке ретироваться за реку Требию», – рассказывает участник похода Суворова – Грязев.

В этой битве против изрядно потрепанного накануне легиона Домбровского Суворов направил под командованием князя Багратиона 6 батальонов, 2 казачьих полка и 8 эскадронов австрийских драгун. Атакованный превосходящими силами легион Домбровского был отброшен к горам и едва спасся, перейдя Требию. Потери поляков были ужасными: кроме изрубленных кавалерией легионеров, они лишились знамени, пушки и до 400 человек пленными. После таких утрат поляки не смогли более участвовать в бою.

Второй польский легион защищал Мантую, осажденную корпусом австрийского генерала Края численностью более 30 тысяч человек. 17 июля Мантуя пала. Эта безнадежная борьба обошлась второму польскому легиону потерями в 700 человек.

Сподвижник Суворова особенно отмечает поляков среди тех, с кем пришлось бороться русским в Италии:

«Главнейшие французские генералы, в сих сражениях предводительствующие, были главнокомандующий Макдональд, за ним Моро, Руско, Шарпантье, Оливье, Виктор, Сальм, Блондо, Гранжо, Камбре и Домбровский со своими польскими легионами, которых от 2000

едва ли осталось до 300; ибо они составляли авангард действующей здесь армии и были всегда употребляемы в первый опаснейший огонь, сколько по направлению французского начальства, столько и собственного своего духа, питая к русским непримиримую злобу. Сей польский корпус пилигримов, предводительствуемый его начальником Домбровским, есть тот самый, который, после поражения своего под Вильною 31-го июля 1794 года, оставил свое отечество и присоединился к беснующимся французам...»

Странное самопожертвование поляков можно понять, если учесть, что в Италии они столкнулись со своим давнишним врагом. Их взаимная вражда тянется с ноября 1768 г., когда Суворов выступил с полком на усмирение польских конфедератов. Успехи Суворова в войне с мятежными поляками уже тогда вызывали у последних жгучее желание расправиться с русским полководцем. В 1771 г., по словам Н. А. Орлова, «в Столовичах один из гвардейцев Огинского чуть не в упор выстрелил в Суворова, но промахнулся; в 1772 году, в деле с бандой Косаковского, подвергся нападению польского офицера, который, выстрелив из 2 пистолетов, бросился с саблей, и Суворов отражал его удары, пока карабинер не убил поляка».

Суворов фактически уничтожил в Польше вооруженную оппозицию, и, отчасти, благодаря его победам в 1772 г. стал возможен 1-й раздел Речи Посполитой.

В 1794 г. Суворов был брошен на подавление восстания Т. Костюшки. И с этой задачей русский полководец справился блестяще, утопив надежды поляков в их собственной крови, и получивши за свои действия алмазный бант на шляпу, чин генерал-фельдмаршала и Кобринское имение в 7 тысяч душ. А после его побед остатки Речи Посполитой были разделены в 1795 г.; с тех пор поляки лишились собственного государства, а наиболее деятельные из них вынуждены были скитаться по свету.

Египет и Сан-Доминго

В египетском походе (1798–1799 гг.) Наполеона польские подразделения не принимали широкого участия. Однако без них не обошлась и эта авантюра Корсиканца – как, впрочем, и большинство бесчисленных больших и малых сражений, которые вела в эпоху наполеоновских войн Франция.

Некоторые польские офицеры в качестве добровольцев приняли участие в африканской экспедиции. Довольно много солдат Первого польского легиона попало на корабли, отправляющиеся в Египет «случайно» – они занимались транспортировкой снаряжения для египетской армии.

Египетская война Наполеона вместо желанной Индии принесла неудачу, разочарование, напрасную гибель многих тысяч солдат и закончилась полнейшим провалом. Но и в этой бессмысленной и трагической для французов военной операции поляки были на высоте.

Поход на Каир, уже в самом начале кампании, поверг наполеоновскую армию в глубокое уныние. «Было то время года, когда уровень Нила самый низкий, – пишет в мемуарах Наполеон. – Все колодцы высохли, и, начиная с Александрии, армия нигде не могла найти воды до самого колодца Беда. Она не была подготовлена к маршу по такой местности. Она сильно страдала от жаркого солнца, отсутствия тени и воды. Она невзлюбила эти обширные пустыни и особенно арабов-бедуинов».

Вскоре французы начали остро испытывать недостаток продовольствия; не хватало лошадей и, конечно же, незаменимых в этом климате верблюдов. Польский генерал Зайончек и генерал Андреосси вели свои кавалерийские бригады – каждая по 1500 человек – за неимением лошадей пешим строем.

Древняя земля фараонов не желала терпеть пришельцев с севера, с непобедимой армией Наполеона происходило что-то необычное. Как пишет сам командующий, «армия была охвачена смутной меланхолией, которую ничто не могло преодолеть, она была подвержена приступам тоски, и несколько солдат бросились в Нил, чтобы найти в нем быструю смерть».

Даже некоторые поляки, которые отличались выносливостью, не выдерживают египетского ада. Рассказывает М. Брандыс:

«В первых днях сентября вынуждены были покинуть Египет «из-за подорванного климатом здоровья» три добровольца-легионера: полковник Юзеф Грабинский, майор Юзеф Шумлянский и капитан Антоний Гауман...

Протекции Сулковского все трое были «обязаны» своему участию в египетской экспедиции. Невеселым должно было выглядеть это расставание четырех израненных польских офицеров. И если у кого-то были в это время так называемые «дурные предчувствия», то они быстро и в точности сбылись. Сулковский погиб через несколько недель. Три легионера, «захваченные в пути турецкими корсарами, были брошены в Семь башен и подвалы Терсаны стамбульского арсенала». Молодой отважный капитан Гауман не выдержал страшной турецкой тюрьмы и умер в Стамбуле, двум выжившим после нескольких лет мучений удалось оттуда выбраться. Полковник Грабинский впоследствии попал на Сан-Доминго, майор Шумлянский во времена Варшавского Княжества был адъютантом князя Юзефа Понятовского».

Арабы на своих резвых лошадках, словно вороны в ожидании будущей добычи, кружили неподалеку от войска, шедшего по левому берегу Нила. Их постоянное присутствие не позволяло отрядам отделяться от армии для поисков продовольствия. По признанию будущего императора французов, положение спас польский бригадный генерал:

«Генералы Зайончек и Андреосси высадились со своею бригадой в дельте и двинулись параллельно армии по правому берегу, не будучи вынуждены вести бои ни с арабами, ни с

(другими) врагами; они заготовили припасы в изобилии и доставили их армии. За несколько дней они добыли сотню лошадей, что позволило им вести разведку».

Неоднократно в египетских мемуарах Наполеона упоминается храбрый адъютант-поляк Сулковский. Его последним подвигом стала битва с отрядом арабов, который в числе 700–800 приблизился к Каиру и надеялся вызвать антифранцузское восстание в городе:

«Адъютант Сулковский выехал из Каира с 200 всадниками, перешел через канал по мостику, атаковал бедуинов, убил некоторых из них и преследовал остальных на расстоянии нескольких лье. Он очистил все окрестности города, но сразу же после этого был ранен. Под ним убили лошадь, он упал на землю и был пронзен десятком копий. Сулковский был поляком, хорошим офицером, членом Института Египта. Его смерть явилась чувствительной потерей».

Впоследствии, большая мечеть с очень высокими стенами, которая господствовала над северной стороной Каира, была превращена в форт; он мог вмещать несколько батальонов солдат и склады. Назвали форт в честь Сулковского.

Адъютанта Наполеона становится жаль еще больше, когда узнаешь, что он обладал феноменальными способностями; и то, что Наполеон назвал Юзефа Сулковского хорошим офицером – самое малое достоинство талантливого во всем человека. Вообще, этот юноша родился явно не для того, чтобы сжимать в руках саблю. Сохранилось воспоминание о нем генерала Михаила Сокольниковского:

«Этот молодой человек был одним из тех блистательных феноменов природы, столь трудно повторимых и столь быстро угасающих, что нам редко удается проникнуть во все их возможности... Я познакомился с ним на девятом году его жизни. Он был известен как чудоребенок, его называли „маленьким ученым“... Память его вобрала все сокровища всеобщей истории, географии и мифологии. Он великолепно разбирался в латинской и греческой литературе и абсолютно свободно, говорил на нескольких живых языках... Он не только знал имена всех известных авторов, но и названия их трудов, а при надобности мог цитировать целые куски малоизвестных произведений... При этих огромных познаниях он никогда не выскакивал, наоборот, ему было неприятно, когда его без нужды заставляли блистать этими изумительными знаниями...»

Похоже, Юзеф Сулковский довольно скоро утратил интерес к наукам и стал готовить себя к военной карьере. На десяти- или одиннадцатилетнего мальчика имеется другая характеристика:

«Бог даровал ему все таланты, необходимые для того, чтобы стать добрым христианином, благородным человеком и достойным гражданином своего отечества... Но он не любит систематической работы. Привык к тому, чтобы его воспитывали мягкостью и призывом к чести его, не выносит никакого принуждения. Хотел бы уже в полной мере пользоваться свободой. Имеет непомерно высокое мнение о своих познаниях... Слишком много спит, работает только по приказанию, голова забита фантастическими прожектками... Физическое состояние хорошее, поелику с молодых лет был приучен к различным климатам, различным кушаньям и различным житейским условиям. Не боится ничего... но воображение имеет слишком живое... Короче говоря, находится в том опасном возрасте созревания, когда он может вырасти или очень хорошим, или очень дурным...»

Подрастающий Юзеф по-прежнему удивлял окружающих своими необычными способностями; он развлекал гостей игрой на фортепиано, скрипке, флейте, но более всего Сулковского интересует военное дело, битвы, осады городов, выдающиеся военачальники... В конце концов, дядя Юзефа, князь Август, был вынужден взять его подхорунжим в свой полк.

Сулковский в 1792 г. с оружием в руках защищает Конституцию 3 мая, а после подавления волнений, как и многие поляки, скитается по свету. Судьба забросила его в Париж; предчувствуя место, где будет жарко, Сулковский просится в Итальянскую армию. И вот, как пишет Брандыс, «в результате многосторонних стараний и протекций «гражданин» Юзеф Сулков-

ский постановлением Директории от 1 мая 1796 года был зачислен в армию Республики в чине капитана *a la suite* (ожидающего вакансии) и получил направление в штаб-квартиру генерала Бонапарта».

Необычайно одаренный польский юноша погиб, когда ему было лишь двадцать восемь лет. Как ни кощунственно, однако Сулковский погиб вовремя. По своим взглядам он был бескомпромиссным республиканцем, и был готов сражаться за «Свободу, Равенство, Братство», а его патрон избрал другой путь. Через год после смерти своего польского адъютанта – 9 ноября 1799 г. – Наполеон совершит собственный переворот.

«Вот сцена, – пишет Брандис, – известная по многим описаниям современников: генерал Бонапарт, окруженный вооруженными гренадерами, врывается в зал заседаний Совета пяти-сот. Его встречает яростный гул двухсот якобинских депутатов. Возгласы: «Долой диктатора!», «Долой тирана!» – это еще самые мягкие. Представитель Корсики Жозеф Арена кидается на узурпатора с обнаженным стилетом. Случайно присутствующий в зале парламента поляк, некий Шальцер (разве может что-нибудь произойти без поляков!), закрывает Наполеона собственным телом. Подходят новые гренадеры под командой Иоахима Мюрата. Зять Бонапарта отдает гренадерам приказ: «Вышвырните-ка мне всю эту публику вон!» Депутаты пытаются защищаться, некоторые выбивают окна, прыгают в сад. Остальных гренадеры выгоняют силой. Революционная республика ликвидирована».

Остальные поляки, как мы видим, были не столь политически щепетильны, как Юзеф Сулковский. Они будут сражаться за Наполеона-консула, будут умирать за Наполеона-императора; единожды поверив в счастливую звезду Наполеона-гражданина, они не изменят ему никогда.

В 1801 г. Наполеон преобразовал слишком громкие для французского слуха польские легионы в три полубригады и один уланский полк. В Европе наступило временное затишье, но поляки, взявшие в руки оружие, желали восстановления своего государства. В это время Наполеон, напротив, не желал воевать с Австрией, Пруссией и Россией, к которым отошли земли его союзников. В общем, вооруженные формирования Домбровского оказались неудобными для Наполеона и лишними в Европе.

Для обиженных поляков нашлось дело на другом конце планеты. Две полубригады заняли место на кораблях, которые отправились в одну из немногочисленных французских колоний – на остров Сан-Доминго (Гаити). Там местное негритянское население подняло анти-французское восстание. Посланные самой свободной страной Европы, солдаты, взявшие в руки оружие, чтобы добиться независимости собственной родины, теперь добросовестно уничтожали людей, не желавших быть рабами далекой Франции. Увы! Один из многих парадоксов героической и кровавой эпохи.

В те времена Наполеон уж точно не собирался полякам возвращать независимость. Он находился в состоянии войны лишь с австрийцами, но искал дружбы с двумя другими участниками раздела Польши – Пруссией и Россией. А посему, великий манипулятор бессовестно эксплуатировал польский патриотический подъем в собственных целях. И, поскольку мечты поляков отодвигались на неопределенный срок, то лучше этот воинственный народ отправить подальше от Франции и Европы.

Таким образом, следующая огромная армия опять посылалась на заведомо бесперспективное дело. Причем, таковым борьбу за Сан-Доминго признал сам Наполеон еще в 1799 г.:

«Французские колонии в Вест-Индии были потеряны. Предоставление свободы чернокожим и события, происходившие на Сан-Доминго в течение восьми лет не оставляли надежды на восстановление старой колониальной системы. К тому же возникновение на Сан-Доминго новой державы, управляемой чернокожими и находящейся под покровительством республики,

повлекло бы за собой разорение Ямайки и английских колоний. В этих условиях Франция нуждалась в новой большой колонии, способной заменить ей американские».

Почему Наполеон покорно смирился с потерей Сан-Доминго тогда – в 1799 г.? Все просто – в то время его волновал более масштабный проект. Корсиканец желал отнять у англичан – ни много ни мало – Индию. Он внимательно изучал индийский поход Александра Македонского и пришел к выводу, что неудача постигла военачальника потому, что армия «не располагала всем необходимым для этого перехода».

Наполеон просчитал все необходимые силы для покорения Индии. Он планировал, «что осенью 1799 г. и зимой 1800 г. он сможет следовать к месту назначения со всей армией или частью ее, ибо 40000 человек, в том числе 6000 на конях, 40000 верблюдов и 120 полевых орудий было, по его мнению, достаточно, чтобы поднять Индостан».

Однако вместо похода в Индию, французы безнадежно завязли в Сирии и были вынуждены вернуться в Египет. А потом их командующий бросил обреченную на гибель армию, с которой собирался захватить едва ли не всю Азию, и отплыл с немногими нужными ему людьми во Францию.

Египетский поход стал первой крупной ошибкой Бонапарта. Второй ошибкой станет экспедиция на Сан-Доминго. Потом в этой же серии – испанская война и поход в Россию. Наполеон блестяще выигрывал битвы, но в конечном итоге, проигрывал войны.

Да простят нас его кумиры – их будет много везде и во все времена. Блестяще проведенная Битва у Пирамид и множество других больших и малых успешных операций в Египте и Сирии, как, и героические Крестовые походы, оказались напрасным пролитием крови – французской и мусульманской. Мы не собираемся оспаривать гениальность Наполеона. Она проявляется во всех делах – по-настоящему гениальный человек гениален во всем. Наполеон умел поставить каждого человека в нужном месте, он виртуозно одерживал победы над превосходящими силами противника, Бонапарт мог не только вести за собой французов куда-угодно, но мог заставить сражаться лично за него покоренные народы, в Египте он смог даже найти общий язык с чуждым мусульманским миром и убедить людей враждебной веры признать власть французов не только разумом, но почти что сердцем. Однако...

Бонапарт не избежал болезни всех великих завоевателей. Успехи на полях сражений развили честолюбие и властолюбие маленького человека с Корсики до голиафских размеров. Он уже не мог остановить свои амбиции – они начали жить своей жизнью, независимо от разума. И уж тем более Франция не поспевала за мечтами своего императора. Возможно, Европа имела бы иной облик и поныне, если бы Наполеон так не спешил. Он не закончил тяжелейшую войну в Испании, а его армия уже переходит Неман на противоположном конце Европы. Возможно (даже, несомненно), все сложилось бы по-иному, если б Наполеон избрал одного противника: либо Испанию либо Россию. Однако Бонапарт не мог остановиться, поэтому другой вариант развития событий нет смысла даже рассматривать. Увы! Мир не может покориться одному человеку, невозможно поднять такой груз простому смертному – слишком велика наша планета – и в масштабах, и в своем разнообразии. Нельзя соединить вместе все ее части, как нельзя соединить соль и сахар, деготь и мед.

Франция не могла воевать со всем миром, даже если ее вел в атаку гениальный Наполеон. Ресурс не самой большой страны Европы, истощенной непрерывными войнами, не соизмерялся с амбициями величайшего, после Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря, честолюбца. Арман де Коленкур поймет задолго до рокового похода в Россию, что мечты императора вышли за пределы разумного: «его гений и его величие охватывают весь мир, но человеческий здравый смысл, то есть обыкновенный человеческий ум, как и разумные географические очертания государств, имеет свои пределы, которых не должны переступать мудрость и предусмотрительность».

Вернемся к экзотической войне, как вернулся к ней Наполеон после того, как потерпела крах компания в Египте, и, соответственно, пришлось отложить до лучших времен покорение Индии. Наполеон обратился к Сан-Доминго, хотя сам только что убеждал: остров предпочтительнее оставить независимым, так как в этом состоянии он был бы опасен для английской Ямайки и прочих колоний. (Что англичанам плохо – то французам хорошо – такой принцип всегда существовал в наполеоновской политической игре.) Он вдруг передумал: как драчливому ребенку, генералу Бонапарту необходимо было кого-то побить немедленно, чтобы самоутвердиться. Однако... и журавль улетел, и синица упорхнула из руки – а обратно поймать ее стало делом невозможным.

Восстание рабов на Сан-Доминго началось в 1791 г., одновременно со свержением короля во Франции. В 1794 г. Национальный конвент отменил рабство, но это мало успокоило почти полумиллионное негритянское население Сан-Доминго. Плодородный остров привлек внимание испанцев и англичан, в результате война всех против всех пылала на нем целое десятилетие. Французские колонисты с трудом удерживались в прибрежных городах.

В 1801 г. остров лишь формально считался владением Франции; реально власть оказалась в руках вчерашних рабов-негров, а их вождь – Туссен-Лувертюр – был объявлен пожизненным губернатором. Наполеон поручил навести порядок в колонии своему другу и родственнику – генералу Шарлю Леклерку (он был женат на сестре Бонапарта – Полине). Для этой цели в его распоряжение поступил экспедиционный корпус почти в 40 тысяч солдат, в число которых входило около 5 тысяч польских легионеров. (Заметим, примерно с такой армией Наполеон рассчитывал добраться до Индии, отобрать ее у англичан и сделать колонией Франции.)

С выделенным количеством солдат трудно не добиться успеха на острове, и поначалу он у Леклерка был. Экспедиционный корпус одержал ряд побед над восставшими, но тут на французов обрушилась эпидемия желтой лихорадки. Болезнь выкосила 25 тысяч солдат, в ноябре 1802 г. умер и сам командующий. Руководство боевыми действиями принял генерал Рошамбо. Он сделал ставку на жестокий террор, но вызвал лишь всеобщую ненависть островитян к французам, был разбит повстанцами и спустя год командования попал в плен к англичанам.

1 января 1804 г. восставшая Сан-Доминго провозгласила себя независимой республикой Гаити. Франция навсегда потеряла крупнейшую колонию в Вест-Индии, Наполеон лишился очередного войска, а Полина Бонапарт – мужа. В том же году на острове началась массовая резня белого населения, которое составляло 42 тысячи человек; в результате расовой чистки оно исчезло совершенно.

Жалкие остатки экспедиционного корпуса эвакуировались после поражения Рошамбо во Францию. Среди спасшихся участников экзотической войны оказалось триста поляков. Немногочисленные польские легионеры, прошедшие через ад Сан-Доминго, чрезвычайно ценились Наполеоном. Они были включены в самую элитную часть – наполеоновскую гвардию. Ветеранам Сан-Доминго предстояло пройти еще не один круг ада. Во время похода на Россию они состояли при императоре в качестве личных телохранителей.

Выжил ли кто из ветеранов Сан-Доминго после русской кампании? По крайней мере, один человек нам известен. Генерал Михаил Сокольниковский на острове был начальником штаба польских полубригад. Он и вывел с Сан-Доминго чудом сохранившихся соотечественников.

Затем мы встречаем бригадного генерала Михаила Сокольниковского сражающимся в Пруссии. В русском походе 1812 г. он возглавляет наполеоновскую военную разведку. Несмотря на высокий чин и должность Сокольниковский так и остался бесстрашным рубакой. В Бородинском сражении он вел в атаку дивизию, при этом получил удар штыком в ногу и пулевое ранение в плечо.

В 1814 г. польский корпус оказался без Отечества и без Наполеона, который весьма туманно обещал это Отечество вернуть. Поляки не знали: с кем им воевать, кому служить и

где вообще найти на этой земле клочок земли, где бы можно было спокойно дожить свои дни – некоторые из них непрерывно воевали два десятилетия, и успели состариться в боях. К русскому царю Александру I – фактическому хозяину их родных земель отправилась делегация от наполеоновского Польского корпуса. Возглавил ее генерал Михаил Сокольников.

Русский царь обрадовал поляков известием: в отличие от Наполеона, создавшего герцогство Варшавское, он возрождает царство Польское. Правда одна существенная деталь: корона этого царства будет на голове самого Александра I.

В остальном царь был милостив: весь польский корпус принимался на русскую службу, Михаил Сокольников получал звание русского генерал-лейтенанта. Ему было предложено возглавить штаб армии царства Польского. На этом карьера неутомимого воина закончилась. Он умер в сентябре 1816 г. – сказались последствия желтой лихорадки, перенесенной им на острове Сан-Доминго.

Польская игра Наполеона

В 1806 г. Пруссия объявила Наполеону войну. В этой стране еще прекрасно помнили победы Фридриха II, одержанные в предыдущем столетии. Несчастные пруссаки, до сих пор жившие былыми успехами, надеялись, что вполне управятся с корсиканским выскочкой, начавшим активно вторгаться в раздробленные германские княжества, герцогства, графства...

Увы! Прошлые победы – ничуть не признак того, что нация способна побеждать и сегодня. Наполеон в двух одновременных сражениях вдребезги разбил объединенное прусско-саксонское войско и стал хозяином большей части Пруссии.

Таким образом во власти Бонапарта оказалась часть польских земель, доставшихся Пруссии от разделов Речи Посполитой. Памятуя о преданных поляках, долгие годы сражавшихся под его знаменами, Наполеон отправился, наконец-таки к берегам Вислы.

Осенью 1806 г. на польский политический небосклон неожиданно вышел князь Юзеф Понятовский – племянник последнего короля Речи Посполитой Станислава-Августа. Ничего значимого до этого времени не совершивший, Понятовский получает высокий пост в Варшаве, – исключительно благодаря своему происхождению и тому факту, что Наполеон разбил пруссаков.

Прусский генерал Калкрейт, бывший комендантом Варшавы, с ужасом узнал, что Наполеон выступил из Берлина и идет на Познань. «Это послужило сигналом для прусских властей, – рассказывает в своих мемуарах графиня Потоцкая. – Сопровождаемые насмешками уличных мальчишек, они поспешно оставили Варшаву, присоединившись к русским войскам, расположенным лагерем на другом берегу Вислы. Прусский король написал письмо князю Понятовскому, назначив его губернатором Варшавы и начальником несуществующей национальной гвардии. Он просил при этом позаботиться о безопасности жителей, уверяя, что не считает никого более достойным такого важного дела. Между тем пруссаки, уходя, не оставили ни одного ружья, и князю пришлось вооружить около сотни людей копьями и дрекольем, чтобы занять ими караулы».

Состояние польских земель, ограбленных ближайшими соседями, вызвало смешанные чувства у тех, кто их посетил в те времена – что-то среднее между жалостью, разочарованием, презрением и сочувствием. Впечатлениями делится барон де Марбо, оказавшийся на берегах Вислы с корпусом маршала Ожеро:

«Мы теперь в Польше, самой бедной и самой несчастной стране Европы... От самого Одера больше не было больших дорог. Мы шли по зыбучим пескам или по ужасной грязи. Большинство земель было не обработано, а немногие жители, которые встречались на нашем пути, выглядели неопишимо грязными».

Наполеону не было дела до внешнего вида поляков, его не волновало экономическое состояние края. Главное, что поляки умели хорошо сражаться, а императору французов было нужно множество рук, умеющих держать саблю и ружью – потому что планы у него были наполеоновские. Но вот беда, поляки хотели и могли сражаться, но предпочитали не за Францию, а за собственную родину. Сдержанно вели себя те поляки, что не поддались эйфории от наполеоновских побед и собственных мечтаний, которые не услышали от Наполеона то, что, прежде всего и более всего, желали услышать.

Барон де Марбо описывает игру Наполеона с польским героем – Тадеушем Костюшко, окончившуюся ничейным результатом:

«Сам император утратил свои иллюзии, ведь прибыв сюда ради восстановления независимости Польши, он надеялся, что все население этой обширной страны как один подни-

мется при приближении французских армий, однако никто из жителей даже не пошевелился!.. Напрасно для возбуждения энтузиазма поляков император приказал послать письмо знаменитому генералу Костюшко, руководителю последнего польского восстания и пригласить его присоединиться к своей армии. Однако Костюшко продолжал мирно жить в Швейцарии, куда он скрылся после восстания. На упреки, которые ему делали по этому поводу, он ответил, что слишком хорошо знает нерадивость и беспечность своих соотечественников, чтобы иметь смелость питать надежду на то, что им удастся освободиться даже при помощи французов. Не сумев привлечь на свою сторону Костюшко, император, желавший, по крайней мере, воспользоваться его известностью, обратился от имени этого старого поляка с воззванием к населению Польши, но ни один поляк не взялся за оружие, хотя наши части заняли многие провинции бывшей Польши и даже ее столицу. Поляки не соглашались братья за оружие до того, как Наполеон не объявит о восстановлении Польши, а Наполеон не собирался принимать такое решение до того, как поляки не поднимутся против своих угнетателей, а они этого не сделали».

Истинную причину отказа Костюшки от сотрудничества Наполеон раскрывает в мемуарах генерала Жомини:

«Он требовал полного восстановления своего Отечества, а я не мог зайти так далеко и связать себя, объявляя намерение восстановить государство, которого две трети принадлежали Австрии и России. Это бы значило прекратить совершенно всякую возможность сближения с Россией и, в тоже время, вооружить против себя Австрию».

Впрочем, простые поляки, не постигшие тонкостей политической игры, встретили французов широчайшими объятьями. Утром 21 ноября 1806 г., спустя несколько дней после ухода пруссаков из Варшавы, в польскую столицу вступил первый французский полк.

«Как описать тот энтузиазм, с которым он был встречен! – читаем в мемуарах графини Потоцкой. – Чтобы понять наши чувства, надо подобно нам все потерять и снова обрести желанную надежду. Эта горсть храбрецов предстала перед нами как гарантия независимости, которую мы ожидали от великого человека, подчинившего себе весь земной шар.

Общий энтузиазм достиг высшей степени. Вечером город был сказочно иллюминирован. В этот день властям не пришлось заботиться о размещении прибывших героев – из-за них спорили, их разрывали на части. Жители, не знавшие французского языка, пустили в ход язык, общий для всех народов: всевозможные аллегорические знаки, пожатия рук, радостные восклицания – все было пущено в ход, дабы дать понять дорогим гостям, что к их услугам предоставляется от чистого сердца все, что имеется в доме, включая винный погреб.

На улицах и площадях были накрыты столы, провозглашались тосты за будущую независимость, за храбрую армию, за великого Наполеона, с французами целовались, братались, поили их – и кончилось тем, что солдаты спяна совершили ряд неблагоприятных поступков, сразу охладивших общий энтузиазм».

На следующий день неаполитанский король Мюрат «с необычайной пышностью вступил со своей свитой в Варшаву верхом, сияя раззолоченными мундирами, разноцветными султанами, золотыми и серебряными нашивками». Этот наполеоновский маршал любил блеск, и даже в битвах выделялся экзотическими нарядами, заметными издали. От смерти Мюрата спасало, пожалуй, только то, что противники желали его непременно захватить в плен, но не убить. «Во всем костюме самым замечательным был султан – трехцветный, развевавшийся всегда в самых опасных местах битвы, – рассказывает Потоцкая. – Поляки, восхищенные подобной храбростью, с радостью заменили бы этот славный султан польской короной».

Несостоявшийся священник, волей случая получивший неаполитанскую корону, Мюрат был очарован аристократизмом польского князя, который оказал ему самый блистательный прием. Так как Мюрат любил все блестящее, то в письме к Наполеону охарактеризовал Юзефа Понятовского с самой положительной стороны.

Тем временем, в Познань прибыл сам Наполеон. Поляки почему-то не проявили должного энтузиазма при его встрече. Возможно, им изрядно насолили своей наглостью уже прибывшие французские войска, а может быть они были разочарованы тем, что не услышали от первого же француза, что Польша отныне независима.

По словам графини Потоцкой, «было решено послать ему навстречу депутацию, но сделать это было не так-то легко. Все выдающиеся люди страны оставались в своих поместьях, выжидая исхода события, а находившиеся под властью русского императора держались в стороне. Перед ними был опыт прошлого, и они отлично знали, что маленький неосторожный поступок повлечет за собой конфискацию имущества.

Наконец вышли из затруднительного положения, послав навстречу победителю трех незначительных лиц. Наполеон своим орлиным оком сразу оценил эту депутацию и обратился к ним с банальной речью, в которой не было ничего, что бы могло поддержать надежду, появившуюся с его прибытием.

Принц Мюрат все же дал понять властям, что император вступит в город с некоторой торжественностью, хотя бы для того, чтобы послать блестящую статью в «Монитор». Тотчас же принялись воздвигать триумфальные арки и колонны, готовить иллюминацию и сочинять поэтические надписи, но все эти приготовления оказались напрасными: Наполеону вздумалось обмануть всеобщее ожидание – он прибыл в четыре часа утра на скверной лошаденке, которую ему дали на последней почтовой станции».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.